

Мария Калюжная

**БАБОЧКИ
В ЕЁ ГОЛОВЕ**

Мария Калюжная

Бабочки в её голове

<https://litres.ru/73518338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Авторитарная и жёсткая в прошлом мать превращается в беспомощное, зависимое существо. Психическое состояние больного деменцией человека доводит дочь до физического истощения и моральной усталости. Поиск ответа на вопрос о противостоянии жуткой, больной энергии приводит героиню к эмоциональному кризису. С одной стороны – всепоглощающее чувство вины, вызванное воспоминаниями из прошлого, с другой – бредовые состояния и ночные кошмары, всё больше разрушающие психику здорового человека. Тратить ли свою жизнь на уход за безумцем или сохранить себя и найти какой-то иной выход... Есть ли единственно правильное решение?

Содержание

Глава	4
Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бабочки в её голове

Глава

*Каждая трудность в жизни
даёт нам возможность обратиться
вовнутрь и призвать наши собственные
скрытые внутренние ресурсы.*

Эпиктет,
древнегреческий философ

Пролог

Небольшой провинциальный городок, продрогший от затяжных дождей и промозглой погоды, готовился к предстоящей ночи. Зажигались в вечернем тумане фонари, отражающиеся в глянцевых лужах, разлетались от бегущих по тротуарам прохожих холодные брызги. Лидия Александровна Малафеева – уже не совсем молодая, но всё ещё не потерявшая привлекательности женщина – спешила домой.

От сильного ветра зонт так и норовил вывернуться наизнанку и улететь туда, откуда она только недавно выскочила в унылую серость – в сторону здания управления культуры местной администрации. В голове у Лидии Александровны была только одна мысль: скорей бы добраться до дома.

Из проезжающей мимо машины донеслись обрывки когда-то всенародно любимой песни ДДТ: «...Осень вновь напомнила душе о самом главном. Осень, я опять лишён покоя». Зонт от очередного порыва ветра вдруг резко с несвойственным ему звуком вывернулся и окатил хозяйку холодными струями осеннего дождя.

Лидия, пытаясь расправить зонт, остановилась и почувствовала, что на неё смотрят. Странное чувство: вокруг никого не было. Только мокрая чёрная лохматая псина, дрожащая всем своим собачьим телом, уставилась на неё, пытаясь изобразить что-то наподобие дружелюбного привет-

ствия, помахивая хвостом. Лидия Александровна прикрывалась зонтом, у которого, к несчастью, уже успели сломаться несколько спиц, и продолжила путь домой.

Псина, оставаясь на некотором расстоянии, двинулась следом. Ощущение, что за ней наблюдают, не исчезло. Лида обернулась. «А ну, брысь! Фу! Иди домой!», – прикрикнула она собаке и побежала быстрее. После того, как её, уже взрослую укусила за щиколотку соседская болонка, собак она не то чтобы разлюбила, но побаивалась.

Через некоторое время, чтобы удостовериться, что собака отстала, она вновь обернулась. Псина была рядом. Лида, отщипнув от булочки, лежавшей в сумке, кусочек, бросила его в сторону пса. Скорость пробежки к дому увеличилась. «Чёрт с тобой, я уже почти прибежала. Всё равно у меня ничего вкусного нет», – подумала она. К мысли о том, что надо побыстрее добежать до дома, прибавилась мысль, что когда-то она уже видела эту собаку: чёрную, похожую на овчарку, а на тощей собачьей груди – белый окрас в виде креста. Вот только где?

В коридоре Лиду обдало горячим сухим воздухом. «Чайник!» – пронеслось у неё в голове. Не раздеваясь, пробежала на кухню. Так и есть! Разгорячённый, уже выкипевший чайник стоял на плите и из последних сил пытался сиплым шёпотом звать на помощь. Лида переставила чайник на подставку и выключила плиту.

– Кирочка, это ты? – раздался из комнаты хриплый стар-

ческий голос.

– Это Лида, мам!

– Кирочка, чего ты так поздно?

– Я на работе была.

– И как там? Про меня спрашивали? Кто уроки мои заменял сегодня? Скорей бы уже на работу. Завтра пойду, хватит разлёживаться.

Лида разделась, прошла в комнату. Мама сидела на диване. Перед ней на экране телевизора мелькали серые блики.

– Мам, ну зачем ты столько вещей на себя надела? Тебе холодно было? И чайник ты забыла выключить. Куда свисток делся?

– Не брала я никакого свистка! Соседка, наверное, забрала. Заходила недавно.

– Мам, какая соседка? Ты дверь открывала? Я же просила никому не открывать! Давай я тебе канал переключу.

– Не надо мне ничего переключать! Пусть показывают.

– Так там же нет ничего...

– Я смотрю! Это ткани показывают, образцы. Платье буду шить себе на первое сентября.

Лида вздохнула и прошла в другую комнату. Шифоньер был открыт, все полочки выдвинуты. На полу, на стульях, на кровати, на подоконнике висело, лежало, валялось всё, что можно было достать. Лида устало опустилась в кресло. «Сначала покормлю её, потом уберу». Поставила разогреваться ужин. Вернулась.

– Мам, давай переоденемся. У нас тепло.

– Давай, Кирочка. Лидку не дождёшься!

Переодела.

– Мам, пойдём на кухню ужинать.

Усадила Любовь Викторовну за стол, дала ложку, пододвинула тарелку гречки с тефтелями, кусочек хлеба. Налила чай, в пиалочку – варенье.

– Лида, а когда Кирочка приедет? Ты ей звонила?

– Звонила, скоро.

– А муж твой где? Вечно его дома нет!

– Развелись мы с ним, мам. Уже восемь лет прошло.

– Вот ты бестолковая! Разве можно под старость разводиться! Кирочка вот живёт же!

– Мам, так он же у... Ешь, мам, не разговаривай, а то подавишься, как в прошлый раз...

– Это когда такое было? И не указывай мне.

После ужина Лида отвела маму на диван, переключила канал, убрала рассыпанную на пол гречку, перемыла посуду. Пошла разложить вещи обратно в шкаф. Померила Любове Викторовне давление. Опять высокое. Дала таблетки. Мать, склонив голову на бок, задремала перед телевизором. «И мне бы не помешало поспать. Опять, наверное, проснётся ночью и до утра спать не будет. Уже почти традиция. Неделю так. А завтра на работу. Совсем сил нет... Отведу её попозже в кровать. Разбудишь – пойдёт себе дела искать...»

Сквозь неглубокий сон внезапно вспомнила о псине, пре-

следовавшей её по дороге домой...

Лидочкины хроники

Ну да, точно, они тогда с мамой и сестрой-близняшкой возвращались с летнего отдыха у бабушки. Автобус всё никак не приходил, на вокзале было жарко и пыльно. Девчонки, шустрые и непоседливые от природы, получили от мамы разрешение погулять недалеко от входа. Лидочка и Кирочка, уловив какое-то шевеление под колёсами пахнущего бензином ЗИЛа, осторожно оглянувшись на вход в вокзал – не видит ли мама – взяли друг друга за руки, подбежали к машине и, присев на корточки, заглянули под кабину.

– Ой, Кира, смотри, щеночек!

– Да, вижу! Какой хорошенький!

Упитанный чёрного окраса щенок, напоминающий детёныша немецкой овчарки, тихо поскуливал и, казалось, улыбался этим двум совершенно одинаковым девчонкам. Во всю по-щенячьи широкую грудь красовался белый шерстяной крест.

– Смотри, какой он необычный! Весь черный, а на груди крестик!

– Да, вижу я!

– А давай маму попросим взять его с собой? – предложила сестрёнке Лидочка.

В отличие от Киры, она давно мечтала о собаке, и это желание порой приводило к тому, что вниманию Лиды доста-

ивалась даже самая страшная бродячая собака. Мама, конечно, объясняла все последствия такого общения и даже кричала на бестолкового ребёнка, но любовь к собакам не проходила.

Вот и сейчас сердце Лидочки сжалось от вида треугольных висячих ушек, толстых лап и морковкоподобного коротенького хвостика, разметающего июльскую пыль.

– Кира, Лида, сюда! – услышали они строгий окрик. Кира, вытирая о платице ручки, трогавшие собаку, побежала к маме. Лида же никак не могла оторвать взгляд от преданно смотрящего на неё щенка. Его чёрные глазёнки смотрели с надеждой и мольбой и сердце девочки вдруг стало сжиматься от мысли о том, что она никогда его больше не увидит...

– Да что же это такое! Ты что, глухая? – рявкнула Любовь Викторовна, потащив Лидочку в сторону вокзала.

– Мам, там щеночек, такой хорошенький! У него на грудке крестик беленький. Я таких никогда не видела. Давай с собой возьмём, пожа-а-а-луйста! – запищала Лида.

– Вон церковь, видишь? Может, он там живёт, раз у него крестик!

– Да он у него от... от природы, на шёрстке!

– Какой ещё щенок? Давай быстрее, автобус сейчас уедет! Или оставайся здесь со своим щенком!

Лидочка, конечно, была запихана в автобус и потом ещё долго смотрела в окно. Сначала на удаляющийся ЗИЛ, из-под которого выскочил щенок и смотрел, как ей казалось, на

неё. Потом, когда щенка не стало видно, на постепенно исчезающие за деревьями купола церкви. Кира болтала с мамой, ела припасённые в дорогу бабулей пирожки, пыталась обсуждать что-то с Лидочкой. Лидочка продолжала смотреть в окно и молчала. Ей было горько. Горько от того, что не оправдала она надежд этого щеночка, а ведь он верил, что она пришла именно за ним. И долго потом, среди встречающихся ей уличных собак, она искала щенка с крестиком на груди, хотя и понимала, что он вряд ли смог добраться до места, где они жили, да и давно должен был вырасти.

«Странно всё-таки. Когда же я перестала быть чуткой? Раньше каждую собаку готова была приласкать, а теперь даже сердце не дрогнуло! А ведь псу холодно и голодный он был, наверное. Вот черствеешь душой, и собаки это чувствуют. Не зря же меня болонка тяпнула! Раньше я собак любила, и они меня... А этот пёс так похож на щенка из детства...» В мистику Лидия Александровна не верила и прекрасно понимала, что это был совсем другой пёс. Просто совпадение. Но ведь говорят, что случайных совпадений не бывает. Зачем-то ведь встретилась ей эта псина! «Может, это жизнь решила напомнить мне, какая я была раньше? Может, надо притормозить немного, остановиться? Вечная суета. Но как же сильно хочется спать... Такая усталость, что на остальные чувства просто нет сил...»

Глава 1

Школа была сельская, одноэтажная, деревянная. Несмотря на стандартность своего внешнего вида, она имела душу. В ней было уютно и тепло. Малочисленный коллектив совместно со школьниками отмечал праздники, выходил на субботники, украшал стены кабинетов, ездил на картофельные поля... Одна большая семья: заботливая, добрая, спокойная. Школьные события обладали цикличностью и, повторяясь из года в год, были похожи и предсказуемы.

Любовь Викторовна Малафеева работала в этой школе учителем английского уже семь лет. Приехала после распределения и осталась. Не потому, что ей очень нравилось работать в сельской школе, а потому, что постоянно возникали какие-то задачи, которые надо было выполнять. А они всё не заканчивались. Что-то надо было доделать к концу учебного года, что-то – к началу. Её амбиции – как же, всё-таки учитель иностранного языка – успокаивались тем, что управлять небольшим количеством детей было просто, дисциплина на уроках была железной, подчинение – беспрекословным, результаты – вполне достижимыми, а иногда очень даже хорошими.

Работу она постепенно полюбила и отдавалась ей в полную силу, поскольку жила до сих пор одна. Вечерами дома она проверяла тетради, ночами читала в оригинале У.С. Мо-

эма и О. Уайльда. С утра бодрая и стремящаяся к реализации поставленных задач, подхватив сумку с тетрадями, целеустремленно бежала в школу. Отпуск тратился на поездку к родителям и закупку литературы, а далее – на изучение этой литературы и получение удовольствия от процесса.

Каждый год становился похожим на предыдущий. А часики тикали всё быстрее и быстрее. Уже скоро тридцать, пора бы подумать о семье и детях. Но чем больше становилось лет, тем меньше нравилась Любви Викторовне перспектива стать замужней женщиной. В её нынешнем положении не надо, приходя домой, готовить ужин на всю семью, учить с детьми уроки, стирать мужу носки, смотреть по телевизору то, что не развивает и не приносит никакой пользы. Сначала не было времени, чтобы заводить знакомства, потом исчезло и желание. Принцев вокруг видно не было, достойные мужчины были женаты, недостойные были не нужны. Шансы уменьшались так же быстро, как и росло желание ничего в жизни не менять.

И всё-таки однажды неторопливую жизнь сельской школы и ставшую однообразной жизнь Любви Викторовны нарушило известие о назначении нового директора. Его ждали и волновались, опасаясь возможного ветра перемен. Предыдущая директриса была с почётом отправлена на пенсию и, приняв непростое для неё решение, уехала к дочери доращивать и без того уже взрослых внуков. Ожидаемый директор по слухам был молод и не имел управленческого опыта.

– Мужчина, Вы к кому? – с подозрением обратилась уборщица Клавдия Васильевна к незнакомцу в сером костюме.

– Да я, собственно, к себе, наверное, – улыбнулся он.

Лицо Клавдии на пару секунд окаменело, а затем мышцы поползли в разные стороны, формируя губы в натянутую улыбку.

– Так Вы директор наш новый? А мы думали, нам из ГОРОНО сообщат, когда Вы приедете, хотели Вас с автобуса встретить! Проходите, проходите в конец коридора. Там Ваш кабинет. Альбина Васильевна, директор новый приехал! – заголосила она на всю школу, призывая на помощь завуча.

На непродолжительном совещании, которое новый директор провёл в первый день работы в своём кабинете, выяснилось, что зовут его Александр Павлович, имеет он красный диплом педагогического вуза, задумок по совершенствованию школы у него много и помимо своих директорских обязанностей он будет вести несколько часов химии. А остальное донесла «разведка»: Александру Павловичу двадцать семь лет, он партийный, а главное – холост.

После такой информации в глазах женского коллектива градус интереса значительно вырос. Любовь Викторовна, несмотря на почти укоренившееся решение оставаться незамужней, тоже не осталась в стороне. Оценив «новенького» критическим взглядом, она пришла к выводу, что он похож на британского писателя Джорджа Оруэлла: такая же стрижка, овал лица, прищур серых глаз, длинный прямой нос, ма-

ленькие ровные и пока ещё редкие усики. Он, как выяснилось, обладал грамотной речью, мягким чувством юмора и был интеллигентен. Единственный серый костюм сидел на нём слегка мешковато, однако это, по мнению многих, на текущий момент было единственным недостатком. «Неплохая кандидатура для замужества, – подумала Любовь Викторовна, – вот только непонятно, нравится ли ему кто-нибудь из коллектива?»

Любовь Викторовна домой не спешила. Работать вечерами в школе ей вполне нравилось, поэтому иногда она засиживалась допоздна. Как-то вечером Александр Павлович, уже собиравшийся уходить, увидел полоску света, пробивающуюся из-под двери, и заглянул в учительскую.

– Любовь Викторовна, пора бы домой! – улыбнувшись, обратился он к ней.

– Готовлю сценарий для своего класса к празднику.

– А я, знаете ли, старостой группы в институте был. Часто собирались студентами, обсуждали сценки разные, выступления.

– Хотите, расскажу, что придумала?

– Давайте! Это интересно.

Любовь Викторовна была учителем творческим, человеком общительным, женщиной умной. Обсуждение затянулось до глубокой ночи. Много смеялись, вспоминали студенческие годы, дорабатывали сценарий. Потом шли по тёмным осенним улицам, вдыхая запахи прелой листвы. Александр

Павлович проводил до самого барака, где она жила в небольшой комнатке. От чая отказался: завтра на работу. Придя домой, Любовь Викторовна ощутила необыкновенный творческий подъём и необъяснимую радость. Как будто она снова студентка Любочка, лёгкая и счастливая, только что сдавшая экзамен. Глядя на кипу непроверенных тетрадок, остыла и вновь превратилась в Любовь Викторовну. Любовь Викторовна любила цели не только ставить, но и достигать. Ещё ни разу в жизни она не испытывала поражения. Может, поэтому и решила рискнуть. И ничего, что он немного моложе, зато умный, интеллигентный и, кажется, имеет хорошее здоровье.

... Директор посещал уроки педагогов с целью контроля, и она стала включать в план проведения своих уроков что-нибудь оригинальное. Он часто задерживался вечерами, и она теперь уже намеренно задерживалась в учительской, чтобы спросить совета или рассказать о результатах своего творческого подхода. Вместе потом шли до её барака.

Общее дело и позитивная атмосфера объединяют. И он стал оставаться на чай. И однажды ушёл от неё утром. Рано утром, крадучись, как школьник. Зародившиеся отношения они решили пока не афишировать.

Глава 2

После экзаменов наконец начались летние каникулы и для учителей. Долгожданные отпуска. Любовь Викторовна, будучи уверена в прочности межличностных отношений, не считала нужным проводить время дома. По сложившейся традиции в конце июня уехала к родителям. Александр Павлович остался на лето в школе решать вопросы по ремонту и облагораживанию территории. «Так даже лучше, – думала Любовь Викторовна, – безопаснее, сплетен меньше». Она была убеждена, что об их отношениях никто не догадывается.

В один из вечеров за кружкой ароматного травяного чая решила рассказать матери о своих планах на семью. Старушка побаивалась начинать этот разговор. Характер у дочери был резкий, а обидеть Любашу ей не хотелось. Известие о завязавшихся отношениях восприняла как прямой посыл к свадьбе, обрадовалась, засуетилась. Наконец-то!

– Мам, да я говорю тебе, что мы просто симпатизируем друг другу. Он и замуж пока не предлагает.

– Ну что ты, Любушка, он ведь директор, человек серьёзный. Раз симпатию к тебе проявляет, значит, не просто так. Ты у меня умная, серьёзная, видная. Хорошая пара будет.

Такая похвала Любе понравилось. Критику она не переносила, поскольку считала, что делает всё безупречно. Дости-

гать максимума было её кредо. Такие же требования предъявляла она и к окружающим: ученикам, знакомым, будущему избраннику, который, кстати сказать, тоже придерживался аналогичной жизненной позиции. Школьники, не дотягивающие до стандартов Любови Викторовны приглашались на дополнительные занятия. Со знакомыми было проще: для дружбы они не годились, а значит, искать среди них идеала не стоило. Будущий супруг устраивал её своей педантичностью и желанием всё делать на «отлично». А вот родители... Уж какие есть. Люди деревенские, простые, помочь чем-то дочери возможности не имели. В общем, не глупые, но какие-то ограниченные, что ли. Вот это и вызывало у Любови Викторовны раздражение и, порой, резкость.

– Ты, Любаша, зря его к нам не привезла познакомиться.

– Мам, опять ты за своё! Мы заявление не подавали даже и не говорили о свадьбе!

– И оставила там одного на целое лето. У вас же женский коллектив, а женщины, знаешь, какие бывают?

– Да что я, своих коллег не знаю? Там или возрастные, или замужние. Ну, есть парочка молодых, так они желторотые! Ему нравятся интеллектуальные, с ними интересно!

– Да ты мужчин не знаешь. Вон у нас один свою жену бросил и ушёл к молодой, бестолковой. От неё и в огороде толку нет, и дома она не хозяйка. Худая, пальцем переломить можно. Мужчине ведь не нужно, чтобы жена умнее была. Ему защитить хочется, накормить. Зачем ему твой английский?

Что ты переводить в семье будешь?

– Ну ты скажешь, мам. Это до свадьбы, а потом всё на жене: и дом, и огород, и дети, и стирка этому «защитнику» его тряпенок!

– Ты бы, Любушка, всё же поактивнее как-то. Может, тебе ребёночка сделать? Тогда точно женится. Жалко хорошего парня упускать. И тебе ведь не шестнадцать.

– Примитивное у тебя, мам, мышление! Ребёночка! Пойду почитаю! – рявкнула Любушка и, прихватив «Американскую трагедию» Теодора Драйзера, пошла шлифовать и без того почти безупречный английский.

Слова матери всё же запали ей в душу. Да ещё этот Клайд Гриффитс со своей беременной Робертой! В душе у Любушки зашевелилась тревога. Или... ревность?

– Здравствуйте, Александр Павлович!

– Здравствуйте, Любовь Викторовна! Приехали уже? А у нас почти всё готово. Вот только стены и полы от побелки отмоем и можно первое сентября встречать! Присоединяйтесь, нам лишние руки не помешают.

– А у меня ещё два дня отпуска. Но я подумаю.

По дороге домой Любовь Викторовна, действительно, задумалась. Рядом с директором усердно тёрла тряпкой молодая «желторотка». Любушка лихорадочно начинала вспоминать, как подолгу разбирал он ошибки после посещения

уроков этой молодой учительки, как просматривал тексты выступлений к педсоветам, как улыбался ей в столовой. Это Любовь Викторовна во всю старалась и оттачивала применяемые технологии, зная, что директор будет присутствовать на уроке. Это Любушкины выступления вызывали у него похвалу. А на эту «желторотку» он тратил намного больше времени: учил, поддерживал, опекал...

В этот вечер директор на чай не пришёл. Любушка ждала, прислушивалась к звукам августовской прохлады. Стоя у тюлевой занавески, пыталась разглядеть в ночной листве знакомый худощавый силуэт. Потом включила телевизор, убрала в урчащий холодильник выставленную на стол нарезку и бутылку вина, завернулась в байковое одеяло и устроилась на диване.

Ну, ясно, не придёт. В голове заматались гадкие мыслишки. «Мне и одной хорошо. Какого чёрта! Сидит, наверное, сейчас, чай у неё пьёт! Дура желторотая! Курица! Ну, это мы ещё посмотрим! Замуж он не предлагает! Я устрою ему «секретную миссию» из наших отношений! Завтра же «помогу» смыть побелку!»

Ночью спала плохо. Ворочалась, думала, злилась. Раньше, когда спать не хотелось, читала. В эту ночь мысль о чтении ни разу не пришла ей в голову. Утром уложила волосы, накрасила губы, надела каблуки. Тапки и халат для уборки засунула в сумку и пошла в школу.

– Ой, Любовь Викторовна, Вы же вчера сказали, что у Вас

отпуск! – удивилась «желторотка».

– Я сказала, что подумаю! – огрызнулась Люба.

– А Александр Павлович уже здесь! – продолжала щебетать «курица».

– А мне он не нужен. Я за ведром к завхозу!

Идя по коридору, надеялась встретить ЕГО. И даже язвительная речь была подготовлена. Не повезло. Не случилось. Любовь Викторовна, переодевшись в кабинете и набрав в ведро воды, тяжелыми шагами замаршировала к месту уборки.

– Любовь Викторовна, доброе утро!

– Здравствуйте!

– А чего это мы не в духе? Решили отпуск себе самостоятельно сократить?

Улыбчивый и свежий перед ней стоял Александр Павлович. Неожданность сделала своё дело и заготовленные фразы вылетели из головы.

– Решила помочь. Какая разница: день туда, день сюда, – пробурчала она и, толкнув его своим упругим крупным бедром, прошла к выходу.

До конца дня они так и не поговорили. Она исподлобья наблюдала, как он общался с молодой Раисой Егоровной, улыбаясь её лепету, деловито давал распоряжения, приветствовал проходящих мимо коллег.

– Любовь Викторовна, зайдите ко мне. Надо переговорить.

Люба ждала этого приглашения. Вошла в кабинет Александра Павловича, села как можно дальше от его кресла.

– Любаш, всё хорошо? Ты какая-то другая. Я вчера не зашёл к тебе, чтобы ты с дороги отдохнула. Как съездила? Как родители?

Сердце Любы слегка смягчилось, но уровень недоверия всё же был ещё высоким.

– Нормально съездила.

– Давай забегу сегодня, поговорим, расскажешь.

– Как хочешь. Я устала, спать рано лягу.

– Александр Павлович, сценарий когда просмотреть сможете? – засунув голову в кабинет спросила пионервожатая.

– Сейчас несите. И Антонину Васильевну пригласите. Вы же вместе его писали?

– Я пошла, Александр Павлович. Заходите вечером, – выпалила Люба и резко вышла.

Тайна теперь будет раскрыта. Хватит скрывать. Чужое трогать нельзя!

Глава 3

Приближался Новый год. Снежный декабрь радовал хрустящими морозами, белоснежными сугробами, искрящимися льдинками на вычищенных вокруг школы тропинках. Предстоящие полугодовые контрольные и проверочные работы воспринимались и учениками, и учителями как неизбежность и не могли повлиять на предпраздничное настроение.

Приподнятое настроение было и у Любви Викторовны. Об их романтических отношениях уже не догадывались, а знали – и не только коллеги, но и все односельчане. Стараниями Любы «секрет» стал известен сразу после её приезда из отпуска. Жить вместе не стали. По советским меркам это было неприлично: «секса в СССР не было», а тем более до свадьбы. Общались часто, вместе занимались школьными делами, возвращались с работы и подолгу засиживались у неё.

Свадьбу решили сыграть в июне после экзаменов: у всех отпуск, погода хорошая, не надо думать о конспектах и уроках. Когда Любушка узнала, что беременна, решила приберечь эту новость для новогодней ночи в качестве подарка. У Любы шёл третий месяц беременности.

Здоровье будущей матери было отменным, телосложение – плотным, коренастым. Живота видно не было, тошнота по

утрам не мучала. Ела много и с удовольствием. Александр Павлович ни о чём не догадывался, шутил, что запечёт ей к Новому году целого медведя в мандаринах. Обещал достать эти самые мандарины, когда поедет в город в ГОРОНО – городской отел народного образования.

Новый год, конечно, решили провести вместе. Люба бежала по немногочисленным сельским магазинам, пытаясь накупить всяких вкусностей. Продукты особым разнообразием не отличались, но продавщицы с улыбкой посматривали на неё и понимали: невеста, да ещё такого уважаемого человека! Иногда тихонько сообщали о дефиците и продавали ей то кремовую сгущёнку, то кусок розовой ветчины, то шоколадные конфеты.

В школьной столовой договорилась, чтобы сделали дефицитный майонез – густой и почему-то зеленоватый, но такой вкусный и необходимый! Не сметаной же мазать оливьешку! Санпалыч, как стала называть Люба потенциального мужа, действительно привез из города мандарины: ярко-оранжевые, пахучие, с чёрненькой ромбовидной наклейкой, на которой жёлтыми вензельками красовалась надпись «Магос». А ещё пару бутылок «Советского» шампанского! Теперь точно к празднику всё готово.

В честь окончания полугодия решили устроить новогоднюю учительскую вечеринку.

В украшенной к детским утренникам столовой расставили буквой «П» столы, надели наряды и каблуки, взбили во-

лосы в высокие причёски. Принесли из дома кто что мог: соленья, картошку, отбивные, салаты, самодельные торты «Прага», «Наполеон», «Бисквитный» и... празднование началось!

– Уважаемые... Нет, дорогие коллеги! В преддверии Нового года принято подводить итоги году уходящему. Это был год, полный разных событий: напряжённых и необходимых, как летний ремонт, – раздался дружный смех, – творческих и приносящих удовольствие, как подготовка к праздничным мероприятиям. Мы успешно закончили полугодие и показали прекрасные результаты в патриотическом конкурсе. Хороший был год. Хороший ещё и потому, что я познакомился с вами. Не только познакомился, вы стали моей семьёй. Вместе мы сможем реализовать самые смелые начинания. Мы провожаем этот год с лёгкостью и уверенностью в том, что следующий год будет не менее продуктивным. Здоровья вам, счастья вашим семьям и реализации задуманного! А за хорошую работу педагогическому коллективу будут выплачены премии!

По столам пронеслись радостные возгласы. «Хорош, – думала Любовь Викторовна, глядя на будущего мужа, – и он мой! И ребёнок будет таким же умным. А семья у него будет не школьная, а самая настоящая!»

Потом говорили завуч, завхоз, пионервожатая... С каждым поздравлением настроение становилось всё более праздничным и весёлым. И вот, наконец, «открытый мик-

рофон». Среди вереницы желающих поздравить с наступающим оказались и молодые педагоги.

– Спасибо Вам, Александр Павлович, за помощь и поддержку, за особое внимание к нам, молодёжи! – щебетала раскрасневшаяся Раиса Егоровна, – Вы не только учите, но и являетесь примером, на который хочется равняться! Бла, бла, бла...

Улыбка Любовь Викторовны стала натянуто-напряжённой. Лицо покрылось пятнами. Он смотрел на «желторотку» весёлыми прищуренными глазами, в которых искрились огоньки какого-то непонятого для Любы мальчишеского задора. На неё он так никогда не смотрел.

По окончании краткой речи наставник вдруг подошёл к ним, приобнял каждую и пообещал и впредь заботиться и поддерживать. Где-то на дне желудка Любушка ощутила неприятную тяжесть. «Неужели тошнота? Придушила бы эту «желторотку», – почему-то подумала она. Через несколько секунд овладела собой, справилась с подкатывающей тошнотой и нашла в себе силы улыбнуться широкой искренней улыбкой. В конце концов ей в её положении теперь вряд ли что-то угрожало.

Вечеринка затянулась. Директор был весел и любезен со всеми. Беспреданно подходил то к одной, то к другой группе учителей. О чём-то говорили, смеялся. Любе стало скучно, захотелось домой. Она пыталась встретиться с ним глазами, чтобы он сам подошёл к ней, но этого не случилось.

– Я пошла. Приходи, когда закончится! – шепнула она Санпалычу, выходя под грохот музыки из столовой. Понимала, что должность накладывает свои обязанности: не может директор уйти, бросив коллектив.

С удовольствием растянулась дома на диване и стала ждать. Задремала. Ого! Уже без четверти час. Ощущение тошноты подбиралось к горлу. Ещё чего не хватало! Люба считала, что всё и всегда может контролировать, в том числе и своё состояние, но тошнота не проходила. За окном повалил крупными хлопьями пушистый снег. Так красиво... «Пойду пройдуся. Подышу и заодно Санпалыча встречу. Вечеринка-то, скорее всего, закончилась. Убирают, наверное, со столов». Оделась, вышла на свежий морозный воздух и медленно побрела в сторону школы.

– А мы ещё в стройотряде сценку поставили из Салтыкова-Щедрина и показывали потом местным!

– И кого же Вы в ней сыграли, Раечка?

– Нет, Вы не поверите... Я...

– Да она у нас, знаете, какая? Точно не поверите!

Разговор доносился из-за сугроба, закрывавшего от обзор уходящую в темноту дорожку. Люба разговаривавших не видела, но голоса узнала сразу: Санпалыч провожал двух молодых педагогов. Одна из них, конечно же, Раиса: молодая, тоненькая, с нежным голоском и лёгкими светлыми кудряшками.

Подсматривать и подслушивать Любовь Викторовна счи-

тала ниже своего достоинства. Круто развернулась и, забыв про тошноту, побежала в сторону дома.

Дверь захлопнула громко. С усилием провернула ключ, прошла, не включая свет, на кухню, села, не раздеваясь, на стул. Медленные крупные снежинки кружились в мягком свете фонаря, беззвучно ложась на белоснежную пушистую дорожку. Спокойствие и безмятежность.

В висках у Любы пульсировала злость, в горле застыл твёрдый комок обиды. Нельзя поддаваться эмоциям. Думай, думай, думай, Люба!

Спустя время разум начал принимать решения. Нет, эмоции не исчезли, но к обиде и злости прибавилось стойкое желание отомстить. И уже не думалось о ребёнке и предстоящей свадьбе, о том, что все знают об их отношении, о том, как расстроится мама.

Мсть – совершенно неконструктивная форма взаимодействия, приводящая к саморазрушению и негативным эмоциям, и Люба об этом знала. С самооценкой у неё тоже всё было в порядке. Однако в тот момент, возможно впервые, функция самоконтроля не сработала.

В дверь тихонько постучали. Потом громче. Ещё раз. Ещё. Люба не шелохнулась. Видела, как Санпалыч прошёл по дорожке, поглядывая на окна. Постоял немного, задумался, видимо, решил, что она спит. Потом медленно пошёл в темноту. Больше он в эту дверь не входил.

В городской комитет КПСС
от группы учителей ООШ с. Устьево
С...кого района К...ой области

Уважаемые товарищи!

Вопрос, с которым мы к вам обращаемся, касается работы нового директора основной школы села Устьево. Директор был назначен на должность в начале прошлого учебного года, не имея управленческого опыта. Отсутствие опыта и личностные качества товарища Жильцова А.П. привели к непоправимым последствиям.

В школьном буфете из-под полы продаются дефицитные продукты, которые должны быть в свободной продаже для советских граждан.

Не организован быт для педагогов в школе. Учителя, работающие с большой нагрузкой и занимающиеся после работы домашними делами, не имеют возможности обсуждать школьные вопросы в неформальной обстановке. Актовый зал находится в плачевном состоянии.

Краска и инструменты, закупленные для ремонта школы, использовались директором бесконтрольно и в личных целях.

В конце года учителям были выплачены премии, размер которых определялся не по их заслугам, а по принципу, кто больше угодил товарищу Жильцову А.П.

Просим также обратить внимание на его моральный облик. Директор пользуется исключительным положением и правами. Он оказывает двусмысленные знаки внимания двум молодым педагогам. Ведёт себя с ними вольно и даже иногда обнимает их. Неоднократно закрывался в своём кабинете с учителем Егоровой Р.Е., мотивируя тем, что необходимо проанализировать её уроки. Задерживается допоздна в школе, оставляя учителей по одному, якобы для проработки важных задач.

Раньше он встречался с учителем Малафеевой Л.В. и не скрывал их отношений. При этом жениться в ближайшее время не собирается. Гражданка Малафеева Л.В. в настоящее время ждёт от него ребёнка.

Такое поведение недостойно члена КПСС и бросает тень на всех представителей правящей партии. Надеемся, что вы прислушаетесь к голосу простых советских граждан и примете надлежащие меры.

Свои имена не указываем, поскольку опасаемся за безопасность и психологический комфорт в коллективе.

Уверены, что таким, как Жильцов А.П., не место в партии и на руководящих постах.

С уважением,

педагогическая общественность ООШ с. Устьево.

Глава 4

Педагогическую общественность школы села Устьево, ничего не знавшую о доносе, известие о проверке ошеломило. Проверка проходила без директора: его после новогодних праздников вызвали в город, не объяснив причину. Просто позвонили по телефону и назначили время.

В этот же день принимали городскую комиссию из ГОРО-НО, приехавшую в школу с партийными представителями. В кабинет директора вызывали по одному, задавали вопросы, изучали документы.

Факты, обозначенные в анонимном письме, частично подтвердились. Кто-то признался, что покупал «из-под полы» дефицитные продукты в школьном буфете, кто-то – что оставался с директором после работы для обсуждения поставленных задач. Плачевное состояние актового зала, к сожалению, было реальностью, поскольку финансирование выделялось в недостаточном объёме. Определить количество необходимой для ремонта краски было невозможно. Кое-кто вспомнил, что новый директор брал домой инструменты, чтобы прибить себе полку.

Выскочила от комиссии в слезах раскрасневшаяся Раечка, признавшая, что директор действительно приобнял её на новогодней вечеринке. Выплыла гордой поступью из кабинета Любовь Викторовна, подтвердившая свою беременность и

рассказавшая, как начинал ухаживать за ней товарищ Жильцов, и как она, наивная незамужняя девушка под тридцать, доверилась ему и сдалась под натиском умелых, изощрённых комплиментов.

Представители партии, казалось, не слышали, что, оставаясь с учителями для обсуждений, директор был корректен и вежлив. Не интересовало их и то, что «объятия» молодых педагогов были не что иное как дружеский жест. Не хотели они принимать во внимание финансовые документы на покупку краски... Неоспоримое доказательство беременности товарища Малафеевой Л.В. и вовсе поставило жирную точку в принятии решения. Уехали, единогласно убедившись, что «факты, предоставленные в обращении педагогической общественности, имеют место быть».

Александр Павлович вернулся осунувшийся, сгорбившийся, постаревший лет на десять. Тем же вечером попытался поговорить с Любовью Викторовной. Дверь ему она не открыла.

Разговор не получился. Через старый ободранный дермати́н, прибитый на входную дверь, узнал от неё, что действительно будет отцом. Вот только решение её было окончательным: свадьбы не будет, ребё́нка он не увидит.

Разговор был окончен. Интеллигентность не позволила ему барабанить в дверь с требованием продолжить разговор. Решил поговорить с Любой в школе. Не верилось, что именно Любушка могла написать донос. Непонятно, что стало

причиной. Не такая она.

Атмосфера в школе изменилась. Стало как-то тихо, и даже самые резвые школьники, почувствовав тягостную напряжённость, перестали носиться по коридорам. Раечка старалась незаметно прошмыгнуть к себе в кабинет и не попадаться никому на глаза. Учителя шёпотом обсуждали происходящее. Кто-то сочувствовал положению Любви Викторовны, кто-то считал недопустимым такие отношения. Замолкали, как только Люба заходила в учительскую.

Ей вполне было понятно, что её обсуждают, и она выбрала своеобразную тактику. Гордо проплывала мимо коллег, старалась поменьше общаться и готова была дать отпор любому, кто хотя бы намекнул на сложившиеся обстоятельства. Но никто ни о чём не спрашивал. Знали её жёсткий характер, не нуждающийся в сочувствии, и молчали.

Желание заглушить в себе оставшиеся к Санпалычу чувства было несложно: помогала обида, перераставшая в злость. А вот перспектива стать матерью-одиночкой пугала. Ради чего менять свою привычную хорошо структурированную жизнь? И она решилась на аборт.

Седая строгая женщина в помятом старом халате, уже знавшая последние сельские новости, не удивилась, но и не поддержала её выбор. Говорила резко, не скрывая своего отношения к вертихвосткам, не желающим нести ответствен-

ность за свои поступки.

– Насмотрелась я на вас, дурёх! Сколько слёз потом льёте. Вот встретишь другого человека, семью создашь, а какая семья без детей? Ты последствия знаешь? Аборт ей сделать надо! А ты знаешь, что поздно уже? До двенадцати недель можно! А у тебя сколько?! Сама, небось, знаешь!

– А зачем мне Ваши нотации, если поздно уже?!

– Ишь ты, умная какая! Ты мне ещё преждевременные роды попроси! Рожать будешь! И спасибо ещё скажешь потом.

– Кому спасибо? За что? Не нужен мне этот ребёнок!

– А мать твоя знает? Не нужен! Да как язык-то твой поворачивается! Работа есть, жильё есть, родители, надеюсь, тоже? Сказала им?

– Нет! – зло отрезала Люба.

– А твой-то человек интеллигентный! Поможет, если уж жениться передумали.

– А сплетни, всё же, слушаете!

– Да чего их слушать, все уж знают. Ладно, хватит грызться. Давай на весы...

От гинеколога Люба вышла с холодной ненавистью к Санпалычу и злостью на себя. Ничего уже не изменить. Рожать.

По пути домой увидела Санпалыча. Ускорила шаг, натянула повыше шарф, как будто хотела спрятаться и от него, и от мороза, и от нынешней себя.

– Любовь Викторовна! Люба! Поговорить надо, – догнал он её. – Давай поговорим. Что происходит? В чём я виноват?

И зачем всё это? Бред какой-то. Поверить не могу, что так всё происходит. Дверь не открываешь, в школе на контакт не идёшь...

Люба зло взглянула на него из-под меховой кроличьей шапки и... не узнала. Худой, бледный, осунувшийся, не похожий на того Санпалыча, который так нравился ей раньше. Чувство жалости молниеносно кольнуло где-то внутри. Но только секунду. Обратной дороги нет. Слишком много она успела сделать.

– Не будет у нас ничего!

– А ребёнок? Ребёнок как же, Люба, очнись! Он то в чём виноват? Люба, меня из партии исключили, увольняют. Давай уедем вместе, поженимся. Всё же хорошо было!

– А ты не видишь? Я из больницы иду. Нет никакого ребёнка!

Глаза! Она увидела его глаза: застывшие, холодные, смотрящие куда-то сквозь неё. Несколько секунд, разворот и... Выпрямившись, как будто стряхнув с себя всё, что происходило в последнее время, он резко пошёл в противоположную сторону.

«Ещё можно его остановить! Ещё можно! Позови его, пусть вернётся. Он любит тебя!» – застучало в висках у Любушки, но нет. Гордость и обида взяли верх. Она молча смотрела на удаляющегося СВОЕГО Санпалыча. Удаляющегося навсегда.

Злость – эмоция, возникающая как реакция на сильную

физическую или психологическую травму. Кого-то она побуждает к активным действиям, вызывая чувство азарта и мобилизуя внутренние возможности. Кому-то затмевает разум, не позволяя логично мыслить и делать правильные выводы.

Придя домой, Люба расплакалась. Плакала долго, навзрыд, уткнувшись в тяжёлое ватное одеяло. Плакала от страха к непонятной новой жизни, которая скоро наступит, от того, что позволила себе строить планы на будущее, имея такое понятное и удобное настоящее, от злости на Раечку, от осознания того, что была всё-таки не права и от того, что ничего уже нельзя было изменить.

Глава 5

Нет худа без добра. Молодой директор уехал, и исполнять обязанности была назначена завуч, Альбина Васильевна, давно мечтавшая занять это место. Постепенно всё в школе вошло в прежнее русло. Как и раньше носились по коридорам особо активные мальчишки, писались сценарии к очередным календарным праздникам, решались задачи из областных контрольных работ, старшеклассники готовились к сдаче экзаменов.

Любовь Викторовна решила не уходить в декрет раньше, чем завершатся экзамены по английскому. Переживала за своих. Всё-таки готовила их несколько лет. Чувствовала себя сносно, хотя ходить уже было тяжело. У доски не стояла, работала, сидя за столом. Уж очень большой был живот. О Санпалыче заставляла себя не думать, о ребёнке тоже. Пыталась загрузить себя работой, как будто ничего и не предвещало перемен.

Однако перемены всё же должны были наступить, и она вынуждена была к ним готовиться. В местном магазинчике для ребёнка были куплены кое-какие вещи, коллеги принесли «бэушные» ванночку, пелёнки, погремушки. В советское время будущие мамы были вполне благодарны за детские вещи, передаваемые по наследству из одной семьи в другую.

Люба принимала «подарки» без особых эмоций и благо-

дарности. Особой радости от предстоящего события она не испытывала. Соседка нашла мягких подгузников из дефицитной марли, купленной по случаю самой Любой, снабдила её детским мылом.

Коллеги уже начали собирать деньги и присматривать детскую коляску. В селе выбор невелик. Решили не покупать заранее – плохая примета. Успеют ещё съездить за коляской, пока Люба будет находиться в больнице.

Родителям Люба не писала. Решила «обрадовать» их потом, когда выпишут, отдохнёт и даст ребёнку имя.

Отчество решила оставить от Санпалыча. Александр...овна – звучит красиво. С именем пришлось потрудиться. Пол ребёнка был в то время таинством природы.

«Пусть будет Кира – «госпожа», «владычица». Или Алексей – защитник. Отец, вон, Александр, тоже «защитник». Только Павлович, а Павел – «скромный, незначительный». Может, отчество и сыграло свою роль: не смог он убедить в своей преданности и любви. Слабохарактерный, хоть и интеллигентный. А всё-таки лучше бы мальчик. Проблем меньше», – думала Люба.

Прошли экзамены. Выпускники оттараторили вызубренные «топики», неплохо ответили на вопросы экзаменатора, перевели со словарём тексты, доставшиеся в соответствии с билетами. Любовь Викторовна была удовлетворена. Учитель

она хороший. Может, пригодится кому-нибудь английский в дальнейшей жизни. Теперь бы отдохнуть, поехать к родителям на всё лето, набрать литературы и читать, читать, читать. Не учебники, а то, что нравится, для души.

Мысли были прерваны сильной тянущей болью внизу живота. Сначала не поняла. Потом вдруг испугала резкая мысль: схватки! Побежала домой, взяла сумку с подготовленными по рекомендации врача вещами, занесла ключ соседке и – в больницу.

– Поздравляю, мамаша! У вас две девочки! Хорошенькие, только очень уж маленькие. Одна, правда, первенькая, покрупнее! Как назовёшь-то? Не думала, наверное, про двойню?

– Как двойня? Какие девочки? Почему?

– Смотри, какие! – продолжала улыбаться медсестра, показывая ей два пищащих кулёчка. – Назовёшь-то, спрашиваю, как?

– Кира.

– А вторую?

– Не знаю.

– Ну, подумай, полежи пока.

– А Вас как звать?

– Лидия я, Ивановна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.